

СТОЛЫПИНСКИЕ РЕФОРМЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

В последнее десятилетие тема столыпинских реформ заняла прочное место среди приоритетных направлений отечественной историографии. Немалая заслуга в этом принадлежит научной, публикаторской и просветительской деятельности Фонда изучения наследия П.А. Столыпина¹. Однако преимущественное внимание историки традиционно уделяют планам реформатора в области преобразования экономики, прежде всего аграрных отношений. Реформы Столыпина в сфере культуры, науки и образования остаются все еще на периферии исследовательских разработок. Между тем, вопросам культурного развития России в самом широком его понимании Петр Аркадьевич придавал немалое значение. Более того, внимательный анализ позиции премьер-министра заставляет прийти к выводу, что в общей концепции системных реформ преобразования в культурной области являлись необходимыми предпосылками и условиями успешной модернизации, своего рода рычагом реализации масштабной перестройки Российской империи. В данной статье предпринимается попытка систематизировать всю совокупность законопроектов в сфере культуры, науки и образования, показать их место и роль в общей программе столыпинской политики.

Приняв на себя ответственность за вывод страны из острейшего структурного кризиса, Столыпин отдавал себе отчет в том, что предлагаемая им реформистская модель предполагает формирование принципиально нового типа гражданина – «свободную и творчески активную личность», способную стать «активным субъектом исторического процесса». В России начала XX в., где, как известно, большинство населения оставалось неграмотным, это высвечивало главную задачу – просвещение масс.

От уровня образования и профессиональной подготовки населения зависела успешность проведения экономических реформ и наиболее принципиальной среди них – аграрной. Как известно, ядром аграрной реформы Столыпина являлось утверждение частной инициативы. Иными словами, требовалось сформировать слой крестьян, достаточно самостоятельных, чтобы без опеки государства и подпорок сельской общины распоряжаться частной собственностью, и обладающих достаточными навыками, чтобы наладить современное хуторское хозяйство. Равным образом остро ощущалась нехватка профессионально подготовленных, грамотных работников в промышленном производстве и инфраструктуре. Не в меньшей степени от развития образования зависели перспективы преобразований и в политической области. Становление гражданского общества и правового государства невозможно без создания соответствующих условий для раскрепощения личности, превращения населения из безликой управляемой массы в сознательных граждан, ценящих свои права и в то же время соблюдающих свои обязанности перед обществом. Воспитание свободной образованной личности должно было, по мнению Столыпина, подорвать основы политического экстремизма. Применение правительством силы в борьбе с массовыми леворадикальными выступлениями в период первой российской революции он считал мерой чрезвычайной и исключительной. Основу же общественной стабильности должны были создать реформы, затрагивающие в числе прочего состояние культуры и просвещения населения. Эти же меры могли дать обществу действенную прививку против явлений национализма и шовинизма.

Петр Аркадьевич неоднократно заявлял о своем «страстном желании» «освободить народ... от невежества»². Возглавляемое им правительство разработало широкую

---

* Канищева Надежда Ивановна, кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории.

программу мер реформирования всей образовательной системы в России. В рамках этой программы проблема просвещения решалась комплексно – и как создание единой многоступенчатой системы обучения, и как подготовка профессиональных специалистов и педагогических кадров. В своем первом выступлении в качестве премьер-министра в Государственной думе 6 марта 1907 г. Столыпин очертил те принципы, которые были положены в основу проводимой реформы: установление «общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения империи»; объединение усилий государства и общества в просвещении народа; создание «разнообразных типов учебных заведений, с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством»³.

Министерством народного просвещения был подготовлен ряд проектов, касающихся как постановки дела обучения, так и создания или реформирования соответствующих учебных заведений. Важное значение имел проект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», предполагавший предоставление «всем детям обоего пола» возможности пройти «полный круг обучения в правильно организованной школе»⁴. При этом обучение в училищах, входящих в школьную сеть, должно было быть бесплатным. Формирование школьной сети планировалось возложить на органы местного самоуправления, поручив им обеспечить, чтобы одна школа обслуживала территорию радиусом в 3 версты и на одного учителя приходилось не более 50 детей.

В проектах Положений о различных типах училищ определялись порядок их учреждения, содержание учебной части, правила приема учеников, соотношение числа учеников и учителей, компетенция педагогических совещаний, директоров и инспекторов, училищных попечительств и училищных советов. Проекты преследовали цель максимально расширить возможности для получения образования. Согласно Положению о начальных училищах, в них принимали детей всех сословий и вероисповеданий в возрасте от 8 лет. Право открытия начальных училищ предоставлялось широкому кругу учреждений и лиц: правительственным ведомствам, земствам, городам, сословиям, обществам, торгово-промышленным товариществам, фабрикам, заводам, отдельным учреждениям и частным лицам. В казенных училищах обучение было бы бесплатным. В установлении «учебной сетки» и продолжительности учебного года учитывались как вероисповедные, так и географические и хозяйственные особенности различных регионов. В проекте оговаривалось право перехода лиц, окончивших одноклассное начальное училище, в первый класс средней общеобразовательной школы. При училищах предусматривались воскресные и вечерние классы и курсы для подростков и взрослых, стремящихся «расширить и пополнить свое образование, по преимуществу, специальное в применении к технике, ремеслам, торговле и пр.»⁵. В начале апреля 1909 г. этот законопроект был внесен в III Государственную думу, затем рассматривался в IV Думе, однако окончательного законодательного разрешения так и не получил.

Было также подготовлено Положение о высших начальных училищах, которые должны были заменить городские училища. В них предусматривался 4-летний курс обучения, дававший выпускникам «законченное низшее образование». Право открытия училищ получали, наряду с правительством, земства, города, сословия и частные лица. В этот тип училищ принимались все желающие, без различия пола, сословий и вероисповедания, в возрасте, как правило, 10–13 лет, окончившие одноклассное начальное училище или сдавшие экзамены по соответствующей учебной программе. В свою очередь, успешно прошедшие курс первых двух классов высших начальных училищ получали право поступления в 3-й класс средней школы. Ученицы, успешно окончившие высшие начальные училища, приравнивались к ученицам, окончившим курс женских прогимназий. Земства, города, общества и частные лица, содержавшие училища, могли взимать или не взимать плату по своему усмотрению. Реализуя программу по расширению возможностей профессионального обучения, Министерство народного просвещения предлагало открывать при училищах дополнительные курсы

или классы различной специализации (педагогические, почтово-телеграфные, бухгалтерские, строительные, электротехнические, сельскохозяйственные, ремесленные и т.д.)⁶. В феврале 1911 г. проект был внесен в III Государственную думу. Пройдя все стадии законодательного обсуждения, согласования и одобрения, 25 июня 1912 г. он был утвержден императором.

Проект Положения о гимназиях ставил целью унифицировать средние учебные заведения и обеспечить их связь с низшей и высшей ступенями образования. Согласно Положению, гимназии и реальные училища объединялись в одну группу общеобразовательных заведений с одинаковой 8-летней продолжительностью курса обучения и с единой учебной программой. Гимназии рассматривались как «приготовительные» заведения для поступления в высшие учебные заведения. Учреждать гимназии, так же как и высшие начальные училища, наряду с Министерством народного просвещения, могли земства, города, сословия, общества и частные лица⁷. В октябре 1910 г. законопроект был внесен в III Государственную думу, однако в мае следующего года по просьбе министра народного просвещения Л.А. Кассо был возвращен в министерство и дальнейшего движения не имел.

Правительство Столыпина поощряло и развитие частной инициативы в деле образования. Об этом говорит проект «Правил о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения», который разрешал частным обществам, товариществам и отдельным лицам (состоявшим в русском подданстве) учреждать низшие, средние и высшие учебные заведения, классы и курсы, как общеобразовательные, так и специальные и профессиональные. Государство, однако, оставляло за собой определенные контролирующие функции: в частных учебных заведениях дозволялось использовать учебники и пособия, допущенные ученым комитетом Министерства народного просвещения (или местным попечительским советом). Единовременные пособия назначались лишь тем из них, преподавание в которых велось на русском языке и по программам, одобренным Министерством народного просвещения⁸. Частные высшие учебные заведения открывались лишь с разрешения министра народного просвещения, который также мог их и закрыть. Этот проект был внесен в июне 1910 г. в III Государственную думу и, пройдя законодательное одобрение, 1 июля 1914 г. был утвержден императором.

Таким образом реформа школьного образования шла по пути создания единой и общедоступной сети, включавшей последовательно низшее, среднее и высшее образование, причем каждая ступень давала «законченный круг знаний». Вместе с тем прослеживается тенденция создать на базе начальных и высших начальных училищ своеобразные «опорные пункты» получения знаний (преимущественно профессиональных) для подростков более старшего возраста и взрослых. В результате принятых мер к концу 1914 г. удалось добиться зримых результатов. В России к тому времени действовало 123 745 начальных учебных заведений. В начальной школе обучалось 30,1% детей в возрасте от 8 до 11 лет (в городах – 46,6%, в сельской местности – 28,3%)⁹.

Вместе с тем школа рассматривалась Столыпиным как некий «духовный центр» русской жизни. Эта функция школы имела особое значение в ходе переселенческой кампании, а также при организации хуторских хозяйств. В условиях переселения на неизведанные земли или хуторского расселения школа, наряду с церковью, оставалась ядром сохранения культурных основ. Поэтому на фоне существенного разветвления школьного дела (выделялись, в частности, значительные кредиты на школьное строительство, поскольку нельзя было допустить «понижения и без того невысокого уровня сельской грамотности и начатков знаний») планировалось модифицировать сам процесс обучения, «приспособив его к изменяющимся условиям земельного быта». С этой целью предполагалось перейти к постройке преимущественно небольших, так называемых «одноштатных школ», повернуть школу лицом к деревне, учитывая насущные интересы крестьян, отказавшись тем самым от «отвлеченно-гуманитарной» методики преподавания¹⁰.

Специальные меры разрабатывались с целью совершенствования системы подготовки учительских кадров. В этом вопросе усилия правительства концентрировались на двух направлениях. Во-первых, принимались меры по улучшению материального положения школьных учителей и преподавателей вузов. В частности, был издан закон об улучшении материального обеспечения школьных учителей в азиатской части России. Начиная с 1911 г. из средств государственного казначейства дополнительно выделялось по 1 млн руб. в год на увеличение содержания учителей в церковно-приходских школах¹¹. Во-вторых, создавались дополнительные структуры по подготовке и переподготовке педагогов для различных ступеней обучения. Открывались новые учительские институты (например, Учительский институт в Ярославле), семинарии. К 1913 г. в стране было открыто 33 учительских института (2 249 человек), 128 учительских семинарий (12 190 человек)¹². Был законодательно утвержден проект «О временном учреждении одногодичных и краткосрочных курсов для подготовки учителей и учительниц средних заведений». Курсы создавались в тех городах, где существовали высшие учебные заведения, и предназначались для приема лиц, имевших высшее образование. Слушателям курсов предоставлялись льготы: выплата стипендии (600 руб. в год), освобождение от воинской повинности, время пребывания на курсах засчитывалось в выслугу лет¹³.

Выделялись значительные средства на повышение квалификации учителей средней школы. Эти средства использовались на создание в каникулярное время временных педагогических курсов при университетах, организацию поездок учителей за границу для изучения европейского опыта школьного образования. Одновременно разрабатывались проекты, предусматривавшие подготовку профессоров как в России, так и за рубежом. В частности, 6 июня 1909 г. получил Высочайшее утверждение проект Министерства народного просвещения (внесенный в сентябре 1908 г. в III Государственную думу) «Об отпуске из средств государственного казначейства дополнительного кредита на приготовление профессоров при университетах» (имелась в виду выплата стипендий лицам, оставленным при университетах для подготовки к профессорскому званию и командированным с этой же целью за границу)¹⁴. Был также утвержден законопроект «Об отпуске из государственного казначейства средств на приготовление профессоров для высших учебных заведений ведомства Министерства торговли и промышленности». Речь шла о подготовке штатных профессоров для 4 высших технических учебных заведений, перешедших в ведение данного министерства.

Начавшиеся преобразования хозяйственной жизни потребовали значительного числа специалистов. Так, например, проведение аграрной реформы нуждалось в постоянном притоке землемеров и гидрологов. Было разработано и утверждено специальное Положение о землемерных училищах, в которых предусматривался 4-летний курс обучения, включая практические занятия продолжительностью не менее 6 месяцев¹⁵. 11 апреля 1909 г. был утвержден разработанный Главным управлением землеустройства и земледелия законопроект «Об учреждении землемерных курсов при 8-ми земледельческих училищах и об отпуске для сего кредита по смете Департамента земледелия». Предлагалось образовать контингент землемеров из лиц, уже получивших или получающих образование в земледельческих училищах, что давало возможность соединить землемерные и агрономические знания. Ввиду острой потребности в специалистах в качестве временной меры планировалось открыть для лиц, окончивших земледельческие училища, кратковременные землемерные курсы (продолжительностью 5,5 месяцев), поскольку они уже имели базовые сведения по предметам землемерной специальности. Учреждая курсы на ближайшие 3 года, Главное управление землеустройства и земледелия полагало, что за это время основные работы, связанные с выделением крестьян из общины, будут проведены. Кроме того, Столыпин и А.В. Кривошеин планировали организовать особые землемерные курсы при губернских чертежных училищах, ввести общий курс землеустройства в Константиновском межевом и Московском сельскохозяйственном институтах, открыть специальные гидротехнические учебные заведения, посылать начинающих специалистов-гидротехников «для практической выучки» за границу.

В стране открывались новые институты и университеты. Как правило, программа обучения в них составлялась профильно, в зависимости от экономических потребностей региона. В частности, в марте 1907 г. в Новочеркасске был учрежден Донской политехнический институт, имевший 4 факультета: горный, инженерно-мелиоративный, механический и химический¹⁶. К 1913 г. в России насчитывалось 63 государственных высших учебных заведения, в которых обучались 71 379 студентов, а также 54 общественных и частных высших учебных заведения, где обучалось 52 153 студента¹⁷.

Столыпин отдавал себе отчет, что сфера обучения в период революционных потрясений неминуемо становилась «ареной политической борьбы». Он был готов бороться за умы и души молодежи и поставил перед собой задачу «очистить школу от политической нечисти»¹⁸. Русского революционера Петр Аркадьевич представлял себе как «благодушного неуча, думающего достигнуть высшего совершенства, взамен длинного и торного пути воспитания ума и воли, одним скачком... с бомбою в руках по направлению к власти!»¹⁹ Стремясь поставить школу «на твердую основу закона» и освободить ее от политиканства, глава правительства рассчитывал тем самым не только водворить в учебных заведениях порядок, наладить «серьезное учение», но и поставить заслон распространению экстремизма, оградить незрелую молодежь от леворадикальной агитации и пропаганды, направить ее творческую энергию на благо обновляющейся родины. Комментируя выступления оппозиционной печати против министра народного просвещения А.Н. Шварца, Столыпин писал: «Все жалкое нытье о произволе правительства, о мнимом посягательстве на академическую автономию и проч. не заставит правительство сойти с пути водворения законности, порядка; не заставит отдать массу русской молодежи в распоряжение политиканствующих левых профессоров как готовый материал для обработки. Эти мечты надо оставить, оставить и политику, вернуться к науке»²⁰. Наряду с административными мерами Столыпин рассчитывал широко использовать «культурно-просветительные средства» и прежде всего преобразование школьного дела, поскольку именно в области образования развернулся основной фронт борьбы за влияние на массы.

В школах премьер-министр видел не просто образовательные центры, но и очаги русской культуры, проводники культурного влияния российского государства на инородческое население. Одной из серьезнейших задач правительства Столыпин считал «противодействие разрушительной противогосударственной деятельности фанатически настроенных инородческих элементов», прежде всего «пресечение национально-татарского натиска», и одновременно привлечение на свою сторону «культурно-инертной среды» инородцев, «приобщение инородческого населения, независимо от религии и племени, к общей государственной культурной жизни»²¹. В 1910 г. было образовано Особое совещание по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае. По итогам его работы в Министерстве внутренних дел была подготовлена записка «О мерах для противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрскому) влиянию среди мусульманского населения» (15 января 1911 г.). Преимущественное внимание в записке было уделено разработке комплекса мер, направленных на подчинение школы влиянию государства. Прежде всего обосновывалась необходимость жесткого разделения конфессионального и общего образования. Для этого признано было необходимым удалить из конфессиональных мусульманских школ общеобразовательные предметы, включая и «классы русского языка», и подчинить находившиеся у мусульман общеобразовательные учебные заведения общим правилам, установленным государством для школ данного типа. Это не означало создания препятствий для конфессионального образования, однако правительство оставляло за собой право осуществлять постоянный контроль за тем негативным направлением, которое принимал образовательный процесс в мусульманских школах. В частности, программа преподавания исламского вероучения должна была утверждаться министром внутренних дел. В мектебе и медресе преподавание не могли вести иностранные подданные и по учебникам, издан-

ным за границей, дабы оградить эти учебные заведения от враждебных российскому государству влияний. Одновременно предлагалось ужесточить контроль за мусульманскими конфессиональными школами, возложив его на учебную инспекцию под совместным руководством губернаторов и попечителей учебных округов²². Для лиц, осуществлявших надзор за инородческими школами, вводились прибавки к содержанию за знание местных языков. Равным образом Столыпин рассматривал как задачу первостепенной важности установление бдительного правительственного контроля за конфессиональными училищами и в Туркестанском крае, ввиду «широкого распространения вредных учений исламизма»²³.

В числе других мер рассматривалось расширение в инородческих регионах сети общеобразовательных начальных школ, подчинявшихся ведению Министерства народного просвещения. Предполагалось использовать при этом возможности земских и городских общественных управлений по открытию начальных инородческих школ, предоставляя им в необходимых случаях пособия из кредита на всеобщее обучение²⁴. Правительство возлагало на себя обязанность по подготовке педагогического персонала для мусульманских общеобразовательных школ. Для этого увеличивалось количество учительских семинарий и церковно-учительских школ в местностях с преимущественно инородческим населением, в имеющихся учительских семинариях в качестве обязательного предмета вводилось преподавание местных инородческих языков, обеспечивался допуск в «существующие и вновь открываемые в местностях с мусульманским населением учительские семинарии магометан всех народностей»²⁵. При школах учреждались библиотеки и читальни с целью дальнейшего распространения знаний, а также приобщения к основам духовных и культурных традиций Российского государства. Таким образом разработанная правительством Столыпина широкая программа распространения просвещения служила решению важной задачи сохранения «целостности государственного тела»²⁶.

Немало внимания премьер-министр уделял развитию отечественной культуры. Он стремился подвести прочный фундамент закона под правительственную политику в этой области. Недаром среди важнейших законопроектов, представленных в Государственную думу, он называл проект об авторском праве. В мае 1908 г. Столыпин распорядился возобновить работу Особой комиссии по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников, задачей которой он считал выработку единой системы государственной охраны памятников и создание специального органа, ведающего охраной, причем понятие «памятник старины» толковалось им в самом широком смысле, как совокупность всех памятников «зодчества, валяния, живописи и иного искусства до половины XIX в., замечательные по своему художественному, историческому или археологическому достоинству, а равно акты и рукописи и первобытные древности»²⁷. О всей серьезности подхода Столыпина к разработке данного законопроекта говорит тот факт, что он распорядился затребовать через российские посольства за границей имеющиеся «образцы законодательства» по охране древних памятников в странах Западной Европы²⁸.

Как государственный деятель и как патриот Столыпин всемерно заботился о приумножении славных традиций науки и культуры, о пропаганде их достижений за рубежом. Широкая поддержка главой правительства науки, культуры и искусства являлась составной частью его комплексной программы возрождения Великой России, сохранения исторических традиций и одновременно содействовала воспитанию граждан, достойных своего великого отечества. Он поощрял выделение значительных средств на различные начинания: открытие научных и культурных учреждений (Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, Русского военно-исторического общества, Русского военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 г., Менделеевского института и др.), организацию научных исследований и экспедиций (научно-промышленные исследования в Архангельской губ. и у берегов Мурмана, участие России в международном исследовании Северных морей, экспедиция в Монголию и западную часть Китая, археологические исследования Кавказа и восточных губерний, разбор и исследование

архива, найденного в Головинской башне Шлиссельбургской крепости), возведение памятников (Петру Великому в Ревеле, М.Ю. Лермонтову в Москве, П.И. Чайковскому в Санкт-Петербурге, Ярославу Мудрому в Ярославле) и памятных храмов (Храм Рождества Христова, или «Спас-на-Водах», в Санкт-Петербурге в память моряков, погибших в русско-японскую войну, собор Александра Невского в Варшаве), на публикацию архивных документов и материалов (Памятники дипломатических отношений Древней Руси с иностранными державами, архивные документы XVI–XVIII вв., Письма и бумаги императора Петра Великого, Труды Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг., материалы по истории русско-японской войны), на участие представителей российской культуры и науки в международных конкурсах.

Преодолеть невежество и «нравственное одичание» Столыпин рассчитывал, среди прочего, и путем поднятия уровня бытовой культуры широких масс населения, обучения их современным методам хозяйствования, а также цивилизованным порядкам общежития. Будучи еще саратовским губернатором, Столыпин, проезжая с ревизией по уездам, посетил Царицынский завод, принадлежавший Урало-Волжскому металлургическому обществу и учрежденный на средства французских и петербургских банков. Он был восхищен культурой рабочего поселка при заводе. «Рабочие очень хорошо обеспечены, – писал он жене. – Школа, больница образцовая, так что стачек совсем не бывает, беспорядков тоже... наши рабочие, глядя на французов, приучаются к *épargne* (бережливости (*франц.*) – *Н.К.*): у некоторых по несколько сот рублей в сберегательной кассе... Деревушка из каменных домиков, вся мощеная, с водопроводами, вся в садах, в виноградниках. Волостной старшина, писарь, волостные судьи европейски образованы... Порядок – не к чему придираться». И далее Столыпин с горечью отмечал, что всего в 10 минутах езды от этого по-европейски организованного уголка в степи он встретил аул калмыков, которые в юртах в ящиках хранили своих богов, а маленькие дети курили трубку²⁹.

Премьер-министр рассчитывал, что начатые им реформы в области экономики и социальной сферы приведут к повышению материального благосостояния масс, перестроят модель их поведения, что создаст необходимые предпосылки для изменения качества и стиля жизни населения. Так, например, он надеялся, что крутой поворот русской деревни к хуторскому хозяйству будет способствовать переменам в жизненном укладе крестьянства и планировал оказать этому необходимую помощь. В частности, был поставлен вопрос о развитии «огнестойкого строительства» и отказе от традиционных построек из материала, «как бы нарочито собранного для гигантского костра»³⁰.

Продумывая возможные пути и формы улучшения быта крестьянства и рабочих, Столыпин имел в виду не только передовой европейский опыт, но и реальные примеры из российской жизни. Давая характеристику владельцам ткацкого производства в Костромской губ. Красильщиковым, Столыпин особенно выделял их заботы о культурном развитии своих рабочих и служащих: постройку хорошо оборудованной фабричной больницы, открытой для бесплатного пользования и крестьян из соседних деревень, учреждение при фабрике двухклассного училища, курсов для рабочих, библиотеки, открытие 5 школ в соседних селениях, ремесленной учебной мастерской, а также Народного дома, яслей, дешевой кухни и др. Кроме того Красильщиковы организовали опытные поля, где крестьяне могли познакомиться с усовершенствованными удобрениями, современными приемами обработки земель, наиболее практичным ведением сельского хозяйства, открыли продажу сельскохозяйственных орудий, семян и туков. По мнению Столыпина, подобная работа давала «окрестному населению основательную подготовку для перехода к хуторскому хозяйству»³¹.

Основательная, продуманная в деталях столыпинская реформа просвещения, а также многочисленные законодательные инициативы, предусматривавшие значительные кредиты на нужды образования, науки и искусства, свидетельствуют о ключевом значении вопросов культуры в широком ее понимании для планов модернизации России. Культура представляла собой базовый структурный элемент в

единой системе преобразований: в той мере, в какой экономические успехи могли способствовать решению ее проблем, в той же мере и преобразования страны зависели от эффективности сдвигов в культурной области. Принципиально важный акцент делался Столыпиным на культурном и нравственном совершенствовании общества, на воспитании свободной личности, выработке у нее соответствующей системы ценностных ориентиров и чувства патриотизма. Так же, как и при разработке реформ в других областях, при решении культурных проблем Столыпин возводил прочный фундамент законности, что помогало проводить реформы системно, вводя принцип унификации. Ведущая роль в осуществлении реформ возлагалась на государство, в руках которого сосредоточивались не только вопросы выработки направления и конкретного наполнения программы реформ, но и пристальный контроль за ее осуществлением. Однако глава правительства активно привлекал к сотрудничеству в деле модернизации сферы образования и культуры частную и общественную инициативу. Думается, что многие наработки политики Столыпина сохраняют свою актуальность и по сей день.

Примечания

¹ П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2003; Тайна убийства Столыпина. М., 2003; *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006.

² *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 108, 179.

³ Там же. С. 60.

⁴ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 625.

⁵ Там же. С. 627–641.

⁶ Там же. С. 642–649.

⁷ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 2. С. 632–646.

⁸ Там же. С. 649–655.

⁹ *Могилевский К.И., Соловьев К.А.* П.А. Столыпин: личность и реформы. Калининград, 2007. С. 115.

¹⁰ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 593.

¹¹ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 2. С. 315–316.

¹² *Могилевский К.И., Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 116.

¹³ Там же. С. 646–648.

¹⁴ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 2. С. 595.

¹⁵ Там же. С. 266–268.

¹⁶ Там же. С. 572–575.

¹⁷ *Могилевский К.И., Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 116.

¹⁸ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 269.

¹⁹ Там же. С. 266.

²⁰ Там же. С. 270.

²¹ *Могилевский К.И., Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 341, 350; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 296.

²² П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 308–309.

²³ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 366.

²⁴ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 302.

²⁵ Там же. С. 302.

²⁶ Там же. С. 304.

²⁷ П.А. Столыпин: Программа реформ... Т. 2. С. 677–678.

²⁸ См.: *Столыпин П.А.* Переписка. С. 252.

²⁹ Там же. С. 513–514.

³⁰ П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 593.

³¹ Там же. С. 287–288.